

ПОЛЬСКИЙ ДЖАЗ

У Фолкнера есть рассказ: «Жила однажды королева...». Когда бывало совсем безнадежно, она надевала шляпку, которую сто лет назад привезла из дома, садилась у окна и смотрела на разноцветные стеклышики витража. Ей было девяносто лет, она смотрела на цветные тени.

Я ложусь на пол, на жестковатый ворс, как Южный Крест. Я так любила лежать на снегу. Здесь нет наших звезд, другое полушарие. Я лежу крестом: мои ноги указывают на юг. На севере тут все – тепло, культура, прошлое; на юге – край света. Я проваливаюсь в сон, как в яму, а утром не могу вспомнить, где я. В темной тишине и бессознании прорастают слова, ветвятся и тянутся к другому берегу земли, где в остатках зимы и ржавого снега упрямо длится жизнь.

Невозможно жить на костре. Посередине землетрясения. Невозможно все время быть на пределе страсти. Эта острота чувств, безумие, беспамятство после – с этим нельзя проводить каждый день. Завораживающее, притягательное, хрупкое, – живет только на расстоянии, в запрете, в недоступности. Нужно отойти в сторону, чтобы увидеть, как это ослепительно. Нет будущего, ну и что. А у кого есть настоящее?

Пьяным жестом стены качнул польский джаз
Вечный квадрат двора, окон тычки
Ловушки света в ночи – это для нас.
Смотри им в глаза, молчи, целься в зрачки.

Не уходи – в игре без правил нельзя отступать.
Такая игра в бывшем снегу – зимний джаз.
Я буду темой – будем меня играть.
Жестко скрипят шаги осколками фраз.

Тону в белом в квадратной раме двора.
Ухожу на дно звуков чужих, джаз хрипит.
Провалы света – просто ночная игра.
В ледяных ладонях зимы город спит.

2001